

Ирина Валерьевна Иванова-Мицевич

Беларусь, Минский государственный лингвистический университет

Основания структурно-семантической вариативности предложения

Ключевые слова: семантика предложения, денотативная область, сигнификативная структура (пропозиция), центр эмпатии, фокус интереса говорящего.

Key words: sentence semantics, denotative field, signification structure (proposition), empathy center, focus of speaker's interest.

Abstract

The article presents a new theoretical frame for analyzing and describing the meaning of sentences. A sentence is regarded as a unit which on the one hand possesses a definite content of extralinguistic character while on the other hand has a form meaningful in the system of language, thus the basis of cognitive model of a sentence is created by two basic structures: a denotational field – a cognitive and conceptual representation of knowledge about a fragment of reality – and a signification structure – evolutionary heritage of human beings, designed for interpretation and generation of syntactic units. The process of building the integral model of sentence meaning presupposes correlating of these two structures in one configuration. It includes several procedures that determine formal and meaningful variability of sentences: 1) choosing a viewpoint of the denotational field (focus of speaker's interest); 2) defining the signification categories and connecting them into a proposition; 3) selecting a component of the situation to be most important from the structural point of view (center of empathy), and finally, giving signification functions to other denotational components, selected for presentation.

Как и в любом знаке, в предложении «также выделяются денотат (или референт) как обозначение факта действительности и сигнификат (или смысл), соответствующий суждению об этом факте. Денотат и сигнификат в этом смысле относятся к предложению в целом» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 438]. Следовательно, можно говорить о том, что семантика предложения образована двумя аспектами: сигнификативным и денотативным, которые Г. Фреге назвал Sinn (‘смысл’) и Bedeutung (‘значение’) языкового знака [Фреге 1997]. Двухаспектность семантики предложения признается многими исследователями [Богданов 1977; Гак 1973; Сусов 1973].

При этом никто не подвергает сомнению то, что и сигнификат, и денотат предложения являются структурами, т.е. набором элементов с отношениями между ними. Вместе с тем, обычно отношения между этими глубинными образованиями либо не рассматриваются [Теньер 1988; Филлмор 1981], либо признаются изоморфными [Богданов 1977; Гак 1973]. Однако подобный подход не устраняет качественных и структурных различий, проявляющихся при отображении различных денотативных областей различными способами пропозиционального членения, и влечет за собой ряд проблем в интерпретации глубинно-семантической природы предложения [Звонак 2010: 58]. *Во-первых*, изоморфизм денотата и сигнификата означает, что в языке должно быть столько же структур предложений, сколько ситуаций в картине мира, т.е. потенциально бесчисленное множество. В лингвистической реальности же это не так. Если сравнить структурные характеристики предложений в каком-либо отдельно взятом языке, то можно четко увидеть, что их число не превышает и нескольких десятков. *Во-вторых*, такое отношение приводит к тому, что мы сможем говорить только о хорошо известных нам ситуациях, поскольку для новых ситуаций (денотатов) нужны новые структуры сигнификатов. В этом случае возникает вопрос о том, как отразить новые положения дел, для которых еще не сформирован сигнификат. Изобретать его? Но тогда, в процессе коммуникации как нас поймет наш собеседник, ведь у него еще нет сформированного сигнификата для этой новой ситуации. *В-третьих*, представление о номинативном аспекте предложения как одной единой структуре не позволяет объяснить существование в языке предложений, абсолютно идентичных с точки зрения отражаемого фрагмента картины мира, но различающихся по форме и составу. Без ответа на этот вопрос невозможно понять, как отражаются в предложении ситуации, и как возникают структурные и семантические варианты предложений.

Таким образом, мы вынуждены признать, что между двумя ментальными конструктами (денотатом и сигнификатом) нет изоморфизма. Обе структуры имеют разное происхождение и разные функции. Денотативная область представляет собой результат взаимодействия субъекта речемыслительного процесса с картиной мира, ее восприятия, абстрагирования и генерализации, выделения инвариантных черт, т.е. это когнитивная модель фрагмента картины мира, включающая в качестве своих структурных элементов обобщенные представления о компонентах отражаемой картины мира, а также спектр возможных связей между ними. В этой связи функция денотативной области заключается в обеспечении когнитивного взаимодействия индивида с окружающей его реальной и виртуальной реальностью, а также оформления результатов познавательной деятельности в виде обобщенных моделей. Таким образом, мы можем говорить о том, что денотативная область ориентирована на отражаемый фрагмент картины мира, в то время как сигнификативная структура ориентирована на язык, поскольку представляет собой определенную

структурную схему, служащую основой для всех актуализированных предложений. Представление о сигнификативной структуре в нашем исследовании коррелирует с совокупным понятием о пропозиции Ч. Филлмора [Филлмор 1981], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976], «ядерной структуры» Н. Хомского [Хомский 1972], «ядерного предложения» Г.Г. Почепцова [Почепцов 1971], «реляционной структуры» И.П. Сусова [Сусов 1973]. В нашем понимании пропозиция соединяет в себе идею, заложенную в валентностном синтаксисе [Теньер 1988] и падежной грамматике [Филлмор 1981], а именно мысль о том, что предикат, будучи ядром пропозициональной структуры, определяет число и характеристики остальных элементов (аргументов), и в понятии ядерной структуры генеративной грамматики [Хомский 1972] (ограниченность и жесткая структурированность пропозиции). Таким образом, сигнификативная структура (пропозиция) трактуется нами как логико-семантическая структура, образуемая реляционным предикатом и набором открываемых им иерархически организованных валентностей (аргументных позиций).

Для того, чтобы обеспечить выполнение информативной функции языка, сигнификативная структура и структура денотативной области должны взаимодействовать между собой – общий смысл предложения возникает в результате наложения, соположения, композиции этих структур [Bogushevich 1997: 2].

В рамках нашего исследования мы ставим целью выявить особенности взаимодействия денотата и сигнификата, в частности определить механизмы регулирующие соотнесение данных структур и позволяющие говорящему вариативно отражать в предложении фрагмент картины мира в зависимости от его коммуникативных установок.

Как уже отмечалось, денотативная область представляет собой онтологическое содержание потенциального предложения, которое должно быть когнитивно и логически упорядочено с тем, чтобы его можно было представить в актуализированном предложении. Логико-когнитивное структурирование денотативной области, в свою очередь, происходит посредством сигнификата. Именно сигнификативная сфера содержит набор логико-когнитивных категорий, которые помогают организовать денотативное содержание с целью передачи его партнеру по коммуникации. При этом стоит отметить, что данные категории представляют собой универсалии являющиеся результатом эволюционного развития и присущие всем *homo sapiens*, именно они помогают говорящему порождать, а слушающему интерпретировать сообщения, поскольку каждый из них в равной мере обладает данной системой категориальных признаков. Так что же это за категории, и какие признаки они содержат?

Опираясь на определение пропозиции как глубинно-семантической структуры формируемой предикатом и открываемыми им валентностями, категориальное представление данного глубинно-семантического образования можно осуществить по двум направлениям, а именно, в перспективе установления специфики связи между валентностями, входящими в состав пропозиции,

а также в перспективе определения свойств предиката, как организующего ядра данной структуры.

Минимально возможным в глубинной цепочке является бинарное отношение, т.е. отношение между двумя аргументами [Bogushevich 1997; Мартынов 1984], для которого в качестве основного выступает свойство симметричности-антисимметричности. Симметрия (т.е. не направленность) отношения проявляется в том, что при пермутации бинарно связанных компонентов сохраняется осмысленность и референциальное тождество исходного и трансформированного предложений: *Петя разговаривает с Ваней*. – *Ваня разговаривает с Петей*. В то время как свойство антисимметричности (т.е. направленности) предполагает запрет на конверсию последовательно расположенных элементов [Мартынов 1984]: *Машиа рисует картину*. – **Картина рисует Машиу*. Таким образом, отношения между аргументами пропозиции можно представить сквозь призму оппозиции признаков направленность/ не направленность, составляющих категорию релятивности.

Для предиката, эксплицирующего пропозициональное отношение, в рамках логико-семантического описания релевантной является категория акциональности, которая представлена оппозицией признаков статика/динамика [Bogushevich 1997]. Вопрос квалификации отношения в терминах динамичности или статичности решается в ходе применения к предложению тестов: 1) тест на способность предложения быть ответом на вопрос «Что происходит?»: *Петя едет на машине*; 2) тест на возможность включения в предложение наречий, обозначающих скорость либо интенсивность действия: *Петя быстро едет на машине*. Если хотя бы один из приемов дает положительный результат, отношение может считаться динамическим. В противном случае предикат является статическим как, например, отношение в предложении – *У Пети есть машина*.

Для того, чтобы быть понятым партнером по коммуникации, говорящий должен квалифицировать отражаемую денотативную область в соответствии с одним из бинарных признаков каждой из двух категорий, а именно как направленную или ненаправленную, динамическую или статическую. Например в предложении *Петя ест яблоко* наблюдается направленное динамическое отношение; предложение *У Пети есть яблоко* – может служить примером направленного и статического типа отношений, комбинация сигнификативных признаков не направленность плюс статика представлена в предложении *Петя похож на Вову*, а признаки не направленность плюс динамика наблюдаются в предложении *Петя встречается с Машей*.

Определив содержательные характеристики денотата и сигнификата предложения, перейдем непосредственно к проблематике их вариативного взаимоотношения.

Любое предложение порождается говорящим с определенной целью, а именно с целью достигнуть максимально эффективной коммуникации. Принимая во внимание свои коммуникативные цели, а также ожидаемый

эффект от актуализированного предложения, говорящий из всех элементов и отношений, существующих в той или иной денотативной области, выбирает те, которые представляются ему значимыми в условиях данного коммуникативного акта. В то же время говорящий отбирает комбинацию логико-когнитивных параметров для отражения отобранного фрагмента денотативной области в предложении.

Здесь следует отметить, что говорящий в рамках грамматической системы того или иного языка обладает определенной свободой выбора категориальных сигнификативных признаков для отражения той или иной денотативной области. Например, описывая профессиональные качества Пети, он может представить их в виде предложения основанного как на динамическом типе отношения: *Петя работает эффективно*, так на базе статического отношения: *Петя – эффективный работник*. Следовательно, одним из инструментов варьирования говорящим семантики предложения является возможность различной комбинации сигнификативных категориальных признаков при отражении некоторой денотативной области.

Не меньшей потенцией в плане вариативности обладает также лексический состав предложения. Выбирая синонимичные лексические средства, или варьируя морфологические характеристики той или иной лексической единицы, говорящий может по-разному представлять отдельные элементы денотативной области. Например, ситуацию информирования кого-либо о чем-либо можно представить либо в виде предложения типа *Петя сказал Маше, что Вова приехал*, или предложения типа *Петя сообщил Маше о Вовином приезде*.

Однако возникает проблема интерпретации вариативности предложений, содержащих сходный лексический состав и идентичный набор логико-когнитивных параметров. Мы полагаем, что поиск ответа на данный вопрос необходимо искать непосредственно в механизме соотнесения денотативной области и сигнификативной структуры. Действие этого механизма, который получил название *э м п а т и я*¹, состоит в выборе компонента денотативной области для заполнения первой позиции в структуре сигнификата («центра эмпатии»). Поскольку в первую позицию в сигнификативной структуре могут помещаться разные компоненты денотативной области, можно говорить о вариативном размещении центра эмпатии: *Я открыл дверь ключом. – Ключ открыл дверь. – Дверь открылась*.

Таким образом, вариативность предложения может достигаться за счет вариативного размещения центра эмпатии. Однако, если вариативность

---

¹ Термин «эмпатия» заимствован нами из работ С. Куно [Kuno, Kaburaki 1977] в следующем определении: «Эмпатия является отождествлением, частичным или полным, говорящего с человеком или предметом, являющимся участником повествуемого события или состояния» [Йокояма 2000: 246].

предложения, в конечном счете, предопределяется потребностями говорящего, то механизм образования вариантов не может быть ограничен нормами конкретного языка. Вместе с тем, наблюдение над способами размещения центра эмпатии в германских и славянских языках показывает, что ограничения, накладываемые на смещение центра эмпатии в этих языках различны. Более того, в них по-разному отражается смещение центра эмпатии на форме предиката. В восточнославянских языках, как правило, отклонение в размещении центра эмпатии от стандарта, принятого в данном языке, фиксируется в форме глагола – глагол получает так называемую частицу ‘ся’: *Машиа закрывает дверь. – Дверь закрывается.* В английском же языке смещение центра эмпатии может не отражаться в форме сказуемого вплоть до размещения его на объекте: *Mary shuts the door. – The door shuts.* Следовательно, можно говорить о том, что выбор центра эмпатии определяется желанием говорящего, но регулируется нормами языка, закрепленными в коммуникативном опыте социума [Иванова-Мицевич 2007].

Кроме того, как в славянских, так и германских языках можно обнаружить большое количество предложений, имеющих один и тот же набор логико-категориальных признаков, один и тот же лексический состав, один и тот же центр эмпатии, но все же обладающих разными структурно-семантическими параметрами: *Петя дал Машиа яблоко взамен на игрушку. – Петя дал яблоко Машиа взамен на игрушку; Петя сказал Машиа что-то перед экзаменом. – Петя сказал что-то Машиа перед экзаменом; Машиа посадила розы в саду ранней весной. – Машиа засадила сад розами ранней весной.*

Факт наличия ряда подобных предложений должен иметь лингвистическое объяснение, поскольку, как известно, в языке не могут существовать абсолютные синонимы. Можно было бы предположить, что объяснением может служить необходимость вариативного размещения ремы в условиях актуализации предложения в рамках более широкого контекста. Вместе с тем, как можно заметить по приведенным примерам, рематический компонент в этих предложениях один и тот же. Разница между этими предложениями заключается в том, какой элемент денотата реализует непосредственно право-стороннее окружение предиката. Данный факт позволил предположить, что помимо механизма размещения центра эмпатии, в глубинной сфере предложения существует еще один механизм соотнесения денотата и сигнификата, названный нами фокусом интереса говорящего [Иванова-Мицевич 2007; Иванова-Мицевич 2016].

Данная операция предполагает выбор наиболее значимого для говорящего компонента денотативной области и постановку его во вторую позицию в сигнификативной структуре. Поскольку фокус интереса указывает на то, что наиболее существенно с точки зрения говорящего в описываемой денотативной области, он не может служить начальной точкой моделирования и, соответственно, подлежащим. Именно поэтому его маркировка должна

осуществляться позиционно, т.е. фокус интереса должен иметь определенную позицию в линейной структуре предложения. Такой позицией для русского языка может быть только первая правая позиция после сказуемого, либо само сказуемое. Таким образом, мы полагаем, что основным инструментом вариативного представления денотативной области в актуализированном предложении выступает фокус интереса говорящего, который не зависит от структурно-грамматических особенностей языка, на котором порождается предложение, а подчиняется единственно желанию говорящего отметить наиболее важный с его точки зрения элемент отражаемого денотата.

Отсутствие ограничений на размещение фокуса интереса связано с коммуникативной направленностью данного механизма. В этом аспекте фокус интереса коррелирует с тема-рематическим членением предложения. Отличие фокуса интереса от ремы заключается в том, что фокус интереса является элементом глубинной структуры предложения, в то время как рема – это компонент логико-коммуникативного членения, осуществляемого при актуализации конкретной семантической структуры в речи. Фокус интереса занимает вторую позицию в *глубинной структуре* предложения, в то время как рема – это последний элемент *поверхностной структуры*. Функциональное отличие ремы и фокуса интереса заключается в том, что фокус интереса интерпретируется адресатом, как наиболее важный для говорящего элемент отражаемой в данном предложении ситуации, в то время как рема воспринимается как новая (необязательно наиболее существенная с точки зрения говорящего) информация предложения.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что рассмотренные выше понятия позволяют представить механизм построения семантики предложения как серию операций выбора, осуществляемого в номинативно-прагматической сфере и позволяющего говорящему вариативно представлять фрагменты картины мира в зависимости от своих коммуникативных целей и установок. Данные операции включают: 1) выбор элементов денотативной области и отношения между ними, которые составят онтологическую основу будущего предложения; 2) упорядочение фрагмента денотативной области посредством сигнификативных логико-когнитивных параметров; 3) выбор фокуса интереса говорящего; 4) выбор центра эмпатии. Полученная в результате соотнесения семантическая конфигурация подвергается далее коммуникативному членению для того, чтобы ее можно было встроить в контекст общения, т.е. иными словами выбирается рема предложения. Маркированная по признаку информационного членения семантическая конфигурация подвергается морфолого-синтаксическому оформлению, результатом которого и является конкретная формальная структура предложения.

На любом из этапов порождения семантики предложения имеется возможность варьировать структурно-семантические особенности предложения, но наибольшей потенциальной в этом плане обладает фокус интереса говорящего.

Фокус интереса, а именно максимально возможный потенциал его размещения, позволяет говорящему по-разному представлять фрагмент картины мира в зависимости от своих коммуникативных целей.

Литература

- Арутюнова Н.Д., 1976, *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*, Москва: Наука.
- Богданов В.В., 1977, *Семантико-синтаксическая организация предложения*, Ленинград: Ленинградский государственный университет.
- Гак В.Г., 1972, Высказывание и ситуация, *Проблемы структурной лингвистики*, Москва, с. 349–372.
- Звонак Н.П., 2010, Логико-понятийный аппарат композиционного синтаксиса в свете теории референции [в:] Богушевич Д.Г. (ред.), *Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи*, Минск: МГЛУ, с. 55–64.
- Иванова-Мицевич И.В., 2007, Факторы структурирования семантики предложения, *Вестник Минского государственного лингвистического университета*, Серия 1, Филология, № 6 (31), с. 115–122.
- Иванова-Мицевич И.В., 2016, Aspects of sentence meaning creation (integrative approach) [в:] Лебедева А.Л. (ред.), *Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике*, Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», с. 232–241.
- Йокояма О., 2000, Эмпатия в рамках транзакционной модели дискурса [в:] Крысин Л.П. (ред.), *Русский язык сегодня*, Москва: «Азбуковник», с. 276–286.
- Мартынов В.В., 1984, *Универсальный семантический код: УСК-3*, Минск: Наука и техника.
- Почепцов Г.Г., 1971, *Конструктивный анализ структуры предложения*, Киев: Высшая школа.
- Сусов И.П., 1973, *Семантическая структура предложения*, Тула.
- Теньер Л., 1988, *Основы структурного синтаксиса*, Москва: Прогресс.
- Филлмор Ч., 1981, Дело о падеже, *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 10: Лингвистическая Семантика, Москва: «Прогресс», с. 369–495.
- Фреге Г., 1997, Смысл и денотат, *Семиотика и информатика*, вып. 35, Москва, с. 351–379.
- Хомский Н., 1972, *Аспекты теории синтаксиса*, Москва: Московский государственный университет.
- Ярцева В.Н. (ред.), 1990, *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.
- Vogushevich D.G., 1997, Outline of the Compositional Syntax [в:] *Proceedings of the 16th International Congress of Linguists, 20–25 July 1997: Philosophy of Linguistics*, Oxford: Pergamon, Paper № 0013.
- Kuno S., Kaburaki E., 1997, Empathy and syntax, *Linguistic Inquiry*, vol. 8 (4), с. 627–672.